

Олег Брезгин

«...видеться нам необходимо»:

С.П. Дягилев и путешествие С.С. Прокофьева в Италию

Поездка Сергея Прокофьева в Италию в 1915 году — одна из важных вех в биографии композитора. «Это было мое первое выступление за границей», — сообщал Прокофьев в Автобиографии¹. Итальянское путешествие и римский дебют молодого русского композитора состоялись благодаря инициативе и поддержке Сергея Дягилева². Конечно, эта поездка, случившаяся во время Первой мировой войны, не была полной неожиданностью для Прокофьева, но элемент стихийности и даже авантюры в ней всё же присутствовал.

Опустив массу интересных подробностей, остановимся лишь на некоторых, наиболее важных, моментах итальянской поездки Прокофьева — ее предыстории, результатах, а также нескольких неизвестных ранее документах, связанных с этим путешествием.

За неделю до отъезда, 24 января 1915 года, в Петербурге состоялось выступление Прокофьева, по его словесному определению, в «архиконсервативном учреждении» — симфоническом собрании Русского музыкального общества³. Он сыграл свой Второй концерт для фортепиано (g-moll op. 16), оркестром дирижировал Николай Малько. Как заметит Борис Асафьев, «Прокофьев играет с победоносной миной. Здорово! <...> Кто — за, кто — против, но все чувствуют, что идет сила и талант»⁴. По поводу своего выступления Прокофьев в Дневнике коротко и вскользь отметил: «Концерт я сыграл хорошо. Был огромный успех, который увеличивался тем, что всё же некоторые сердито шикали». Но ниже идет запись по содержанию более значимая для композитора, обстоятельно и с волнением им изложенная: «На этом вечере стало известно, что я уезжаю в Рим, ибо Дягилев не только оплачивал мне расходы и устраивал в Риме выступление, но и предложил попутчика: русского консула в Риме <...> Мне страшно захотелось ехать <...> Поездка сама по себе будет страшно интересна, а сколько она выяснит, проверит и решит!»⁵.

В Дневнике композитор не называет имени того, кто принес ему это важную для него новость. Однако известно, что это был В.Ф. Нувель, канцелярский чиновник Императорского двора, друг Дягилева и бывший

¹ Прокофьев. МДВ, 1961. С. 151.

² О С.П. Дягилеве и его роли в продвижении современной русской музыки в Европе см.: Брезгин О.П. Сергей Дягилев. — М.: Молодая гвардия, 2016.

³ Прокофьев. Дневник. Ч. 1. С. 507.

⁴ Цит. по кн.: Нестьев, 1973. С. 114.

⁵ Прокофьев. Дневник. Ч. 1. С. 542–543.

миriskусник⁶. С ним Прокофьев познакомился 14 февраля 1908 года на собрании «Современников», музыкального кружка под названием «Вечера современной музыки», одним из организаторов которого и был Нувель. Он проявлял неподдельный интерес к творчеству Прокофьева, порой даже участие. Именно ему принадлежала идея дать яркие названия некоторым фортепианным пьесам композитора, таким как «Наваждение» и «Отчаяние». Более того, по совету Нувеля на творчество Прокофьева обратил внимание Дягилев.

Следует заметить, что композитор и сам стремился к знакомству и сотрудничеству с Дягилевым. Их знакомство произошло во время лондонского сезона в июне 1914 года. Сумев заинтересовать Дягилева и получив от него предложение написать балет на пока еще неопределенный сюжет Сергея Городецкого⁷, Прокофьев ликовал в предвкушении славы. По возвращении в Россию он отправился на отдых в Кисловодск, внося путевую запись в свой Дневник: «Развеселила меня станция “Дягилево”. Пахло Лондоном и милым балетом»⁸. Прокофьев пока ничего не знал о будущих «уроках» Дягилева. Отдавая должное Нувелю, нужно сказать, что он неоднократно был связующим звеном в отношениях импресарио с композитором, далеко не всегда простых и гладких в течение пятнадцати лет. Посредническую роль Нувеля подтверждает целый ряд документальных источников.

Дневник Прокофьева содержит следующую запись от 8 октября 1914 года: «Звонил Нувель: Дягилев запрашивает телеграммой из Флоренции ваш адрес, а также — пишете ли вы балет»⁹. Ответ, который дал Прокофьев, но отправлял Нувель, был очень расплывчатым, как и вся ситуация с балетом: «Прокофьев работает с Городецким». Через пару дней композитор попросил Нувеля послать телеграмму Дягилеву, «чтобы тот сказал, Романов ли будет ставить балет»¹⁰.

⁶ Нувель Вальтер Федорович (1871–1949) — чиновник особых поручений Канцелярии Министерства двора, композитор-любитель. Член редакции журнала «Мир Искусства» и один из основателей «Вечеров современной музыки». В мае 1919-го эмигрировал. В 1921–1929 годах — администратор «Русского балета».

⁷ Городецкий Сергей Митрофанович (1884–1967) — российский поэт, прозаик, литературный критик и переводчик.

⁸ Прокофьев. Дневник. Ч. 1. С. 489. Станция Дягилево находилась на железнодорожной магистрали Москва — Рязань. Ныне это западная окраина Рязани — городской район Дягилево, входящий в префектуру Московского округа, где расположена военная авиабаза.

⁹ Прокофьев. Дневник. Ч. 1. С. 509–510.

¹⁰ Там же. С. 512. Романов Борис Георгиевич (1891–1957) — российский танцовщик, хореограф и педагог. В 1911–1914 годах сотрудничал с «Русским балетом Дягилева». В 1922-м в Берлине основал свою балетную труппу «Русский романтический театр». В 1924–1925-м заказывал Прокофьеву балетную музыку.

Однако Дягилев был не намерен отвечать на несвоевременный вопрос Прокофьева о балетмейстере, пока он и сам не знал ответа. Дягилева заботило другое обстоятельство. Догадываясь или зная, что прокофьевский балет еще не написан, ему хотелось, чтобы новое произведение родилось под его присмотром и при его участии, как это и было всегда в антрепризе «Русский балет». Рассудительный Дягилев решил действовать наверняка, подумав, что вряд ли молодой композитор откажется от его заманчивого предложения. Из Флоренции он отправил 27 октября (н. с.) на петроградский адрес Прокофьева телеграмму: «Могли бы вы приехать в Рим через Салоники с клавиром нового балета. Желали бы вы играть ваш второй концерт в Риме. Могу постараться устроить. Дягилев»¹¹.

С.П. Дягилев. 1916.
Фотография Ж. де Стрелецки

Получив телеграмму, Прокофьев первым делом позвонил Нувелю — «для совета». Затем записал свои размышления в Дневнике: «Поехать в Италию — совсем неплохо, но ехать через Болгарию и через мины Адриатического моря — хуже. Во всяком случае на ближайший срок этот проект отпадает, так как балет не начат, а Концерт не выучен; через месяц будет видно <...> Но поехать теперь на солнце, надеть светлый костюм, пройтись по пляжу, посмотреть на итальянок — это ведь превосходно!! Я яростно принялся за балет»¹². Ответ Прокофьева Дягилеву неизвестен, но балет действительно сдвинулся с места, и ежедневные дневниковые записи второй половины октября свидетельствуют об интенсивной работе композитора.

В конце ноября Дягилев вновь интересуется прокофьевским балетом, спрашивая о нем Нувеля, которому Прокофьев дал ответ, «что из пяти картин готова музыка в четырех», а в качестве отвлекающего маневра по деловому заявил, что ему «нужно знать, кто декоратор»¹³. Тогда же в Дневнике композитор чистосердечно признался: «Что готовы четыре картины,

¹¹ По мнению автора, эта телеграмма была дважды опубликована с ошибочной датировкой — 1/14 октября 1914 г. (Сергей Дягилев и русское искусство. — М., 1982. — Т. 2. — С. 124; Прокофьев о Прокофьеве. С. 15). В своем Дневнике композитор пишет о получении от Дягилева телеграммы 14.10.1914 (с. 512). Следовательно, по новому стилю Дягилев телеграфировал Прокофьеву 27 октября.

¹² Прокофьев. Дневник. Ч. 1. С. 513.

¹³ Там же. С. 529.

я, конечно, соврал: готова лишь четвертая, почти третья, первая и вторая до половины»¹⁴.

Получив телеграфный ответ Нувеля о плодотворной работе композитора, Дягилев подумал, что настало время для более тесного с ним контакта, пора его вызвать в Италию. 11 декабря (н. с.) 1914 года он изложил свои мысли и деловые предложения в письме Нувелю. Приведем письмо Дягилева полностью:

«Дорогой Валичка [!]

Был рад, что Прокофьев работает, и плодovито. Надеюсь очень на твой при-
смотр. Лишь бы было сценично! Декоратора трудно определить, не зная сюжета, может быть или Федоровский, или Стеллецкий, или даже Рерих (Гончарова уже занята со Стравинским).

Но это вопросы позднейшие. Непременным условием постановки, с деловой точки зрения, является, конечно, как и со всеми другими балетами, которые я ставлю, мое исключительное право постановки в течение пяти лет со дня первого спектакля для всех стран.

Очень бы хотел я видеть Прокофьева, не рискнет ли он проехать морем до Брундизи, а оттуда с прямым экспрессом в Рим? Здесь я мог бы ему устроить сыграть оба его концерта в больших симфонических собраниях в Augusteum'e, если бы он приехал в течение января, февраля, или даже французского марта. Думаю, что для него это было бы крайне полезно (дорогу ему, конечно, оплатили бы). Это очень хорошие концерты, в которых участвуют и Debussy, Strauss, даже Стравинский будет дирижировать. Зал колоссальный, оркестр хороший, публика курьезная, но для Прокофьева не опасная. Если он хочет, пусть мне тотчас же телеграфирует в Рим, Grand Hotel. А впрочем, предлагаю, но не настаиваю, если он боится путешествия (которое, кажется, совсем не так страшно!).

Крайне интересуюсь постановкой его балета. Пришли мне через курьера Мин.[истерства] Иностранн[ых] Дел хотя бы либретто, если не музыку, а лучше бы и то и другое.

Проживу здесь долго. Много работаю, многое готовлю, и, кажется, успешно.

Целую тебя крепко.

Господи, когда увидимся??

Твой Сережа Дягилев.

[Р. С.] После войны приеду играть в Россию непременно!»¹⁵.

¹⁴ Там же.

¹⁵ РГАЛИ. Ф. 781, оп. 1, ед. хр. 6, л. 24–25. Это письмо, с купюрами, иногда необозначенными, а также с рядом неточностей, опубликовал В.П. Варунц: *И.Ф. Стравинский. Переписка с русскими корреспондентами. Материалы к биографии. Т. 2: 1913—1922 / сост., ред. и комм. В.П. Варунца. — М.: Композитор, 2000. — С. 299* [далее: *Стравинский. Переписка. Т. 2*].

По просьбе Дягилева, которому было важно знать реальное положение дел и мнение его друзей, на «присмотр» которых он надеялся, к Прокофьеву пришли услышать музыку нового балета музыкальные арбитры бывшего «Мира Искусства» и «Вечеров современной музыки». Прокофьев записал в Дневнике за 27 ноября 1914 года: «Вечером были Нувель и Нурок, слушали балет, и я боюсь, что ничего не поняли. Но оживленно говорили и вообще время мы провели очень приятно»¹⁶. Ложка дегтя после этого визита появится позже — в Автобиографии композитор добавит: «Нувель написал Дягилеву, что Прокофьев городит что-то несуразное на несуразный сюжет»¹⁷. Это письмо Нувеля неизвестно. Но ответ Дягилева свидетельствует о еще большей его решительности вызвать Прокофьева в Италию. «Видеться нам необходимо», — настаивал Дягилев. Продумав все до мелочей — даты, маршрут путешествия, дорожные расходы, концерт в Риме и, конечно же, несколько дней на обсуждение музыки нового балета, 12 января (н. с.) 1915 года Дягилев в письме Нувелю выстроил тщательно разработанный план:

«Дорогой Валичка [!]

Письмо твое о Прокофьеве меня очень напугало и мне кажется необходимым видеть его, пока еще не окончательно дописан и оркестрован балет, но как?

Письмо это привезет тебе один из служащих в нашем Консульстве в Риме Алексеев, который только что проделает ту дорогу, которую я предлагаю Прокофьеву. Если он, испытав ее, скажет, что ехать можно, и не слишком долго, то я думаю, что ему надобно бы пуститься в путь. Если он выедет в конце нашего (русского) января, т. е. приедет в Италию около 15/28 февраля, то я буду уже в Палермо, куда ему даже ближе проехать из Бриндизи, чем в Рим. Что же касается до Римского концерта в Augusteum'e, то он может играть оба свои концерта в воскресенье 7-го марта, нового стиля. Таким образом, повидавшись со мною несколько дней в Палермо, он может ехать в Рим играть.

В этом случае он конечно не должен забыть привезти ноты. Если же il ne tient pas [не желает — фр.] играть в Риме, то проживши 8–10 дней в Палермо, он сможет ехать домой. Словом, возможность ему играть в Риме имеется, конечно, если до этого не вспыхнет война с Италией, или что-либо иное, что заставит закрыть концерты вообще. Может быть, и я с ним съезжу из Палермо в Рим на его концерт.

¹⁶ Прокофьев. Дневник. Ч. 1. С. 529. Нурок Альфред Павлович (лит. псевдоним Силен, 1860–1919) — ревизор Государственного контроля по Департаменту армии и флота, музыкальный и художественный критик. Сотрудник редакции журнала «Мир искусства» и один из основателей «Вечеров современной музыки».

¹⁷ Прокофьев. МДВ, 1961. С. 151.

Прокофьев. 1915

Дорогу его до меня и обратно, а также и *sejour* [пребывание — фр.] его я, конечно, оплачу. Алексеев скажет, кстати, сколько ему стоила дорога. Но при всём этом одно условие, чтобы тотчас по получении этого письма меня телеграфно уведомили, приедет ли он, и будет ли играть, или приедет только поглядеться со мною. Если же он вовсе не приедет, то прошу тебя обязательно прислать мне с этим же Алексеевым, который через две недели возвращается в Италию в [о] 1-х либретто балета и во 2-х музыку, хотя бы первых четырех картин.

Это мне необходимо сейчас же иметь. В случае если он убоится сейчас приехать, мы можем видеться в мае в Париже, но тогда нужно, чтобы он оставил значительную редакцию балета до нашего свидания. Как видишь, я предоставляю всё на его усмотрение, но прибавляю еще раз, что видеться нам необходимо.

Ты жалеешь, что я не приехал в Россию, но это мне было совершенно невозможно из-за моих дел, я бы в Петрограде совсем погиб, да и теперь всё очень сложно.

Извини, дорогой друг, что взваливаю на твои плечи всё это дело, но опять иначе не могу. Очень хотел бы повидать всех вас, часто грущу и “некому руку подать”!

Итак, жду обстоятельной телеграммы от тебя или Прокофьева.

Целую тебя,

Твой Сережа Дягилев»¹⁸.

В конце русского января Прокофьев получил от Дягилева деньги на дорогу. Нине Мещерской, в которую композитор был влюблен, он обещал стать «безусловной знаменитостью за границей»¹⁹. 1 февраля 1915 года Прокофьев вместе с римским консулом А.И. Алексеевым выехал из Петрограда, а 17 февраля (2 марта), как записал Прокофьев в Дневнике, «в 11 вечера мы вступили на римскую платформу». Весь путь железной дорогой и пароходом, события и встречи во время путешествия, общение с Дягилевым и его «уроки» композитор тщательным образом зафиксировал в дневниковых записях.

«Дягилев старался рекламировать меня всячески и очень горячо отнесился к концерту», — отметил Прокофьев в первые дни пребывания в Риме. Его концерт в Аугустеуме состоялся 22 февраля (7 марта). Ожидая большего успеха и полагая, что итальянцы «не поняли Концерта», Прокофьев всё же признался, что «страшно устал в финале и еле доиграл до конца. Вообще всё было недурно, но в Петрограде я играл лучше»²⁰. Первый заграничный дебют в литературе по Прокофьеву освещен довольно хорошо, с привлечением итальянских рецензий и эпистолярного наследия композитора. Следует лишь добавить, что это его выступление Дягилев организовал благодаря своему давнему знакомству со знатным римлянином и меценатом — графом Э. Сан-Мартино²¹. Каким бы ни был успех этого концерта, его организацией Дягилев открыл миру Прокофьева как композитора и пианиста. Хотя это только первый шаг к открытию, но именно этим он был и важен.

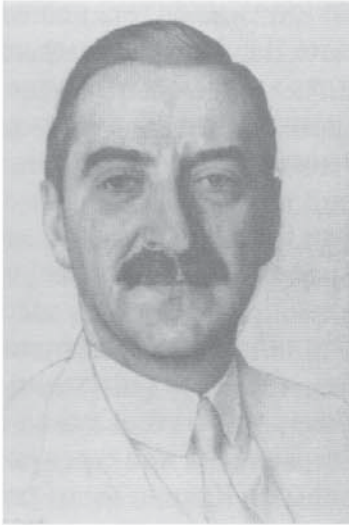
Известно, что Дягилев пытался организовать для Прокофьева еще один концерт (20 марта) в Женеве. Попытка не удалась. Также не состоялась и поездка в Швейцарию к Игорю Стравинскому, но запланированное общение с ним по новым коррективам Дягилева происходило в Милане.

¹⁸ РГАЛИ. Ф. 781, оп. 1, ед. хр. 6, л. 27–28.

¹⁹ Прокофьев. Дневник. Ч. 1. С. 541.

²⁰ Там же, с. 551.

²¹ *Сан-Мартино ди Вальперга Энрико* (1863–1947) — граф, итальянский сенатор, президент Музыкальной академии «Санта Чечилия» и председатель концертного зала Аугустеум в Риме. В 1908 году в С.-Петербурге познакомился с Дягилевым и Нувелем. В 1911-м как президент Международной художественной выставки в Риме пригласил труппу «Русский балет Дягилева» для участия в культурной программе.

К.А. Сомов.
Портрет Вальтера Нувеля. 1914.
Бумага, карандаш, сангина. ГРМ

«Мы встретились чрезвычайными друзьями», — засвидетельствовал Прокофьев²². Здесь же, в Милане, Дягилев организовал встречу с Маринетти, Балла и другими итальянскими футуристами, которые демонстрировали свои музыкальные инструменты²³. Эта встреча, участником которой был и Прокофьев, входила в обширную культурную программу его пребывания в Италии. Кроме Рима и Милана он посетил вместе с Дягилевым Неаполь (с экскурсией в Помпеи), Сорренто и остров Капри. Знакомить своих питомцев (именно так импресарио воспринимал Прокофьева, которого он позже назовет своим «вторым музыкальным сыном») с итальянскими городами, музеями, театрами — уже давно стало дягилевской традицией. По поводу

экскурсий в Неаполе композитор заметил, что начинающий толстеть Дягилев «обнаружил исключительную прыть, и мы с утра до вечера были на ногах. <...> Четыре утра мы осматривали Национальный музей, полный помпейской старины, причем Дягилев и Мясин обнаружили такую пламенную любовь и понимание к старинной скульптуре, что воспламенили и меня, дотоле равнодушного»²⁴.

Не менее важным событием поездки в Италию Прокофьева были «уроки» Дягилева. Это особая и большая тема, почти неисследованная. При помощи своих знаний, ума, изумительного вкуса и потрясающей интуиции Дягилев создал особенную методику креативных уроков. И Прокофьев осознал, что перед ним не только антрепренер, но и «тонкий человек искусства». По свидетельству композитора, Дягилев «мог до дна разбираться и в музыке, и в живописи, и в хореографии. Суждения его были остры и парадоксальны»²⁵. Прослушав незаконченные эскизы прокофьевского балета, он не одобрил ни музыку, ни сюжет. Главной претензией Дягилева было то, что это «просто музыка», лишенная русского стиля. «Последовал колоссальный разговор, — записал в Дневник Прокофьев. — ...Дягилев

²² Прокофьев. Дневник. Ч. 1. С. 555.

²³ В Италии Прокофьев написал небольшую заметку «Музыкальные инструменты футуристов», заказанную В.В. Держановским для российского журнала «Музыка». Статья опубликована в 1915 году, в № 219, с. 255–256. Позднее напечатана в книге: Прокофьев о Прокофьеве. С. 16–17.

²⁴ Прокофьев. Дневник. Ч. 1. С. 553.

²⁵ Прокофьев. МДВ, 1961. С. 152.

был так убедителен, что я сразу согласился выкинуть из балета половину музыки»²⁶. Прокофьев поведал об этом в письме Н.Я. Мясковскому, который с иронией ответил другу: «Интересно, как это вы кромсали свое новое детище, да еще под указку Дягилева»²⁷. Пока композитор «кромсал» свой балет, импресарио принял кардинальное решение — нужно начинать всё заново и сочинять другую музыку.

Об этом Дягилев сообщил в первую очередь Стравинскому, которого он посвятил в свои стратегические планы: «...надо его [Прокофьева] приласкать и оставить на некоторое время с нами, и в этом случае я рассчитываю на тебя. Он талантлив <...> поддается влияниям <...> Я его привезу к тебе, и необходимо его целиком переработать, иначе мы его навеки лишимся»²⁸. Нельзя сказать, что Стравинский был рад участвовать в этом проекте, потому как чувствовал в новичке серьезного конкурента, но надо отметить, что его отношения с Прокофьевым в Италии были самыми безоблачными. «Целиком переработать» Прокофьева, — пожалуй, это слишком неожиданно и круто, если не добавить, что Дягилев как «арт-технолог» преследовал культурный интерес России. Сам Прокофьев чуть позже с гордостью осознал: «Из меня делают самого что ни на есть русского композитора»²⁹.

Первым делом неутомимый Дягилев изменил цель уроков, которые стали приобретать концептуальные черты, и начал вести с Прокофьевым беседы о новых течениях в искусстве вообще и балетной музыке в частности. Эмоционально яркая, обильно сдобренная смелыми выражениями и парадоксальными образами речь Дягилева так ошеломляла Прокофьева, что услышанное иногда казалось ему абсурдным. Но Дягилев немедленно подкреплял свои слова аргументами, «которые с необыкновенной ясностью доказывали обоснованность этого абсурда». Он говорил «всегда горячо, убежденно», — отметил Прокофьев, и в итоге признался: «Словом, меня убедил, на моих Алу, Лоллия и прочих поставили крест»³⁰.

Вскоре был найден новый балетный сюжет — сказка о шуте из много-томного собрания русских народных сказок А.Н. Афанасьева. То обстоятельство, что происхождение этой сказки связано с Пермской губернией, в которой прошли детские и юношеские годы Сергея Дягилева, сыграло для него решающую роль. Совместно был разработан подробный план балета. Предполагалось, что исполнять главную партию и ставить балет

²⁶ Прокофьев. Дневник. Ч. 1. С. 551–552.

²⁷ Прокофьев — Мясковский. Переписка. С. 132–133.

²⁸ Стравинский. Переписка. Т. 2. С. 314–315. Письмо Дягилева Стравинскому от (23 февраля) 8 марта 1915 года (№ 769).

²⁹ Прокофьев — Мясковский. Переписка. С. 133. Письмо Прокофьева Мясковскому от 10 апреля 1915 года.

³⁰ Прокофьев. Дневник. Ч. 1. С. 553.

будет Вацлав Нижинский. «Только пишите такую музыку, чтобы она была русской, — назидательно сказал Дягилев. — А то у вас в вашем гнилом Петербурге разучились сочинять по-русски»³¹.

Уроки Дягилева Прокофьев запомнил на всю жизнь. Уже после смерти импресарио, в 1930-х годах, он откровенно заявил: «Я писал балеты под огромным воздействием Дягилева и его воззрений на этот жанр»³².

Одним из результатов пребывания Прокофьева в Италии было и заключение его *первого контракта* на новый балет для дягилевской труппы. Как оказалось, в финансовых делах Прокофьев был «парень не промах», он знал себе цену и выторговал у Дягилева неслыханную для молодого таланта сумму — три тысячи рублей (первоначально он запросил пять), а то время как за «Жар-птицу» Дягилев заплатил тысячу, за «Петрушку» и «Нарцисса» по полторы тысячи рублей. В Дневнике Прокофьев записал: «Дягилев ужаснулся и закричал: “Как, а Стравинский, а Черепнин?! Да вы с ума сошли!” <...> Я полагал, что он в конце концов согласится на мои условия»³³.

Уезжая в Россию и, возможно, еще не зная о паническом страхе Дягилева перед инфекцией, Прокофьев отправил в Рим из Греции открытку с напоминанием о себе:

«30 марта 1915 (из Салоник)

Многоуважаемый Сергей Павлович,

по безукоризненному морю я достиг Салоник. На нашем пароходе ехало не более не менее, как 17 русских и 24 поляка. Конечно, очень приятно общество своих компатриотов, но зачем же такие излишества?! Ведь этот табор заполнит все вагоны, отели, таможни. Придется ехать на буфере, а спать в сквере.

Шлю привет Вам, Мясину, Стравинскому. Не забудьте после этой открытки вымыть руки, потому что в Салониках было два случая чумы.

СП»³⁴.

Перед отъездом Прокофьев наотрез отказался от необычайно выгодного предложения остаться на пару месяцев за границей, в Швейцарии, чтобы работать над новым балетом рядом со Стравинским, Дягилевым, хореографом и труппой. Дягилев, планировавший также и поездку с Прокофьевым «недели на три в Испанию»³⁵, не мог понять такого упрямства и, возмущаясь, говорил ему: «Всё, что вы приобретете здесь хорошего, за короткое пребывание в Италии, вы ведь сейчас же утопите в петроградском

³¹ Прокофьев. МДВ, 1961. С. 151.

³² Прокофьев о Прокофьеве. С. 56, 89, 101.

³³ Прокофьев. Дневник. Ч. 1. С. 556.

³⁴ РГАЛИ. Ф. 1929, оп. 1, ед. хр. 361, л. 1.

³⁵ Стравинский. Переписка. Т. 2. С. 311. Письмо Дягилева Стравинскому от (18 февраля) 3 марта 1915 года.

болоте!»³⁶. Но мысли и грезы композитора витали вокруг его возлюбленной в России, и он строил планы — увы, неосуществимые — вернуться к Дягилеву вместе с молодой женой.

В середине мая 1915 года Прокофьев планировал поехать в Италию, и даже отправиться с труппой «Русский балет» в Америку. Он послал телеграмму Дягилеву, что готов к отъезду и ждет от него пятьсот рублей. В ответ Дягилев деньги ему выслал, но Прокофьев отложил путешествие на конец июня. Не желая преждевременных оценок музыки нового балета и опасаясь «доноса» Дягилеву со стороны Нувеля и Нурока, Прокофьев в том же июне писал Стравинскому: «Набросков “Шута” им не играл и не буду»³⁷. Тем временем музыкальный материал несостоявшегося балета «Ала и Лоллий» был им использован в «Скифской сюите» (ор. 20) и «демонстративно» посвящен «основателям Вечеров современной музыки В. Каратыгину, И. Крыжановскому, А. Медему, В. Нувелю и А. Нуроку», настойчиво насаждавшим модернизм и декадентство»³⁸. Однако вторая поездка Прокофьева к Дягилеву в Италию так и не состоялась. Выехать за рубеж Прокофьев смог лишь после революции, в 1918 году.

³⁶ Прокофьев. Дневник. Ч. 1. С. 553.

³⁷ Стравинский. Переписка. Т. 2. С. 331. Письмо Прокофьева Стравинскому от 3 (16) июня 1915 года.

³⁸ Оссовский А.В. С.В. Рахманинов // Воспоминания о Рахманинове / сост. З.А. Апетян. — М.: Музыка, 1988. — Т. 1. — С. 375.